

ВКП(б) и комсомол в 1920–1930-е гг.

Меркулов Павел Александрович

Орловский филиал РАНХиГС

Директор

Доктор исторических наук, кандидат философских наук, доцент

merkulov-pa@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются взаимоотношения коммунистической партии и комсомола в 1920–1930-е гг. Выделяются этапы развития взаимоотношений, анализируется их специфика. Раскрываются механизмы управления комсомолом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ВКП(б), комсомол, власть, контроль, государственное управление

Merkulov P. A.

The All-Union Communist Party (Bolsheviks) and Komsomol in the 1920–1930th years

Merkulov Pavel Aleksandrovich

Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation)

Director

Doctor of Science (History), PhD in Philosophy, Associate Professor

merkulov-pa@ranepa.ru

ABSTRACT

The article analyzes the relationship between the Communist party and the Komsomol in the 1920–1930s. Highlighted the stages of development of relations, analyzed their specificity, the mechanisms of management of the Komsomol.

KEYWORDS

the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Komsomol, power, control, state management

Сегодня очевидна необходимость поиска новых методологических подходов к изучению места и роли правящей партии — РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, а как следствие — и комсомола в системе управления нашей страной. Прежде всего речь идет о понимании места и роли решений, принимаемых в рамках деятельности их центральных органов в общей иерархии нормативно-правовых документов советской эпохи. Традиционный подход представителей юриспруденции, ориентирующихся в своей исследовательской деятельности на принципы юридического позитивизма и основывающий свою позицию на базе формальных признаков, содержащихся в совокупности нормативно-правовых актов, определяющих место и роль партии и комсомола в конкретный исторический период 1920–1930-х гг., состоит в отрицании их принадлежности к органам государственного управления. Данное теоретическое установление, как показывает совокупность многочисленных частно-исторических исследований, страдает явно избыточным формализмом. В достаточно короткий период после событий октября 1917 г. и Гражданской войны на территории СССР 1918–1922 гг. органы собственно советской власти уходят на второй план, постепенно, но, как показывает ход исторического процесса, неуклонно становясь инструментом реализации политики, формулируемой в решениях центральных органов правящей партии [4, с. 295].

Еще более быструю трансформацию в том же направлении претерпел и комсомол. Возникнув, как самодеятельная организация молодежи в бурное время революционного переустройства социальной системы российского общества, комсомол после короткого периода «притирки» с партией большевиков трансформировался в организацию, формально самостоятельную и призванную выражать интересы различных групп и слоев молодежи. Однако на практике она позиционировала себя как в своих основополагающих документах и решениях коллегиальных органов управления (съездов, конференций, пленумов), так и в выступлениях лидеров практически всех уровней — от Центрального Комитета, до уездного (а, как правило, и ниже) звена, как «помощника партии».

Мы можем выделить в истории становления взаимоотношений партии и комсомола несколько периодов. Определение каждого из которых связано именно с типом взаимоотношения между партией и комсомолом, между формальным и фактическим статусом решений, принимаемых в рамках деятельности структур управления социумом, которые не могут в полной мере быть ассоциированы со структурами государственного управления (законодательными и исполнительными).

Первый, очень короткий, причем даже не по историческим меркам, как это принято обычно говорить, а даже по календарным. Это собственно период от образования комсомола и до завершающего периода Гражданской войны на территории СССР.

После октября 1917 г. возникают предпосылки для возникновения нового типа государственного устройства и формирования социально-политической и экономической системы нового типа. Новую модель хозяйственных, правовых и социальных отношений предполагалось создать при поддержке социальных слоев, осознающих и желающих масштабных трансформаций. Наиболее мобильной и подготовленной к этим переменам вполне логично выступает молодежь, не связанная консерватизмом длительного жизненного опыта.

Ориентируясь на смену типа государственной власти в стране в ходе социальной революции, которая заняла значительно больший период времени, нежели непосредственный захват власти 25 октября (7 ноября) 1917 г., большевики не стали делать ставку на естественное протекание процесса самоорганизации молодежи, в т. ч. и в деле создания ею своих организаций. Процесс создания союзов молодежи стимулировался, прежде всего, усилиями самой партии. Внешним, формализованным выражением этого процесса было то, что уже в 1917 г. ЦК партии большевиков сформулировал задачу руководства союзами¹. При подобной постановке вопроса перспективы сохранения организационной самостоятельности общественных организаций вообще и союзов молодежи, в частности, были крайне маловероятными в условиях прихода к власти партии, выстроенной по жесткой вертикали.

Симптоматично, что ЦК РКП(б) практически сразу после создания РКСМ принимает Циркулярное письмо «Об организации коммунистического союза молодежи». Письмо содержит оценочную характеристику процесса структуризации молодежного движения в стране, в нем сказано, что «Всероссийский съезд союзов рабочих и крестьянской молодежи постановил объединить все организации трудящегося юношества России в единый Российский Коммунистический Союз Молодежи»². Можно говорить о том, что съезд создал комсомол на базе молодежных союзов, приветствовавших такое решение. Вместе с тем ЦК РКП(б) указывал на необходимость распространения этого процесса и на иные родственные организации. По его мнению, комсомол должен объединить все организации трудящейся молодежи

¹ См.: Наследникам революции. Документы партии о комсомоле и молодежи. М., 1969. С. 34.

² Там же.

в единый союз. По сути ЦК РКП(б) с момента создания РКСМ взял курс на становление в России «единого», т. е. одного союза молодежи.

Письмо ЦК давало указание парторганизациям на местах создавать комсомольские организации, органы государственной власти (отделы народного образования), оказывать комсомолу финансовую и материальную поддержку, помогать преодолевать организационные трудности в работе, выделять помещения и необходимое оборудование для организации клубов и т. д.

Это показывает, что уже в первом документе РКП(б) по вопросам взаимоотношений с РКСМ проявлялось как внимание к становлению комсомола как организации, так и непосредственное вмешательство в его внутреннюю жизнь. Оно заключалось в том, что «всем членам партии, по возрасту соответствующим нормам, принятым РК (Российским Коммунистическим) Союзом Молодежи», было рекомендовано «вступать в его ряды и принимать активное участие в его работе»¹.

С учетом установленной ЦК РКСМ нормы о том, что в комсомол коммунисты принимаются без, собственно, процедуры приема и представления рекомендаций, предусмотренных уставом, это не только было нарочитым исключением из организационно-уставных норм, но и создавало условия для контроля за деятельностью Союза молодежи изнутри со стороны партии через своих членов, одновременно становившихся еще и комсомольцами.

Это был непосредственный шаг, способствующий превращению комсомола в управляемую со стороны партии организацию. Он последовательно становился инструментарием для реализации ставки на молодое поколение со стороны компартии и государства в деле переустройства страны.

Симптоматичным было и решение Оргбюро ЦК РКП(б), которым утверждалось «Положение о работе РКСМ среди учащихся» по поводу молодежной политики в среде учащихся и связанным с установлением монополии комсомола на работу с молодежью. В нем партия заявила, что «вся работа, как среди рабоче-крестьянской, так и среди учащейся молодежи, должна быть объединена в руках РКСМ»².

Уже при создании РКСМ в октябре 1918 г. были определены базовые функции молодежной коммунистической организации:

- политическое воспитание молодежи в духе коммунизма;
- защита советской республики от внутренних и внешних врагов революции;
- защита социальных, экономических, культурных прав молодежи;
- обеспечение участия молодежи «в революционном строительстве Советской России и творчестве новых форм жизни»³.

В этот период комсомол очень быстро прошел путь от самостоятельной организации молодежи, политически ориентированной на программу большевиков, к курсу на максимально тесное сотрудничество с РКП(б). Однако в этом стремлении быть партнерами, союзниками в политическом процессе, он был практически сразу остановлен руководством партии, которое на тот момент вполне справедливо полагало, что делегирование даже части полномочий сражающейся партии, даже самому верному союзнику, может и не дать положительного результата. После прекращения даже формальных претензий на партнерские отношения со «старшим братом» комсомол на завершающем этапе Гражданской войны, прежде всего, в заявлениях руководителей своих центральных органов управления полностью ассоциировал себя с правящей партией, определяя себя в качестве ее резерва и помощника.

¹ Там же. С. 35.

² Положение о работе РКСМ среди учащихся. Утверждено Оргбюро ЦК РКП(б) 11 мая 1919 г. // Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии. М., 1978. С. 8–9.

³ Товарищ комсомол. Т. 1. М., 1969. С. 9.

К наиболее знаковым следует отнести отказ РКП(б) от союза с РКСМ как с самостоятельной организацией. Основанием здесь выступало вполне обоснованное опасение утраты монополии на власть, что в условиях Гражданской войны было чревато поражением и практически неизбежным физическим уничтожением носителей соответствующей идеологии. Собственно, после Гражданской войны подобных ситуаций уже не возникало. Именно в этот период сверхмобилизации и централизации, проявлением которых, в частности, была политика «военного коммунизма», выстроилась схема взаимоотношений партии и комсомола в формате превращения последнего в инструмент реализации общепартийной политики как в масштабе страны в целом, так и в сфере государственной молодежной политики.

Комсомол занял особое положение в системе социального и государственно-го управления обществом в советский период отечественной истории, комсомол в 1920-е годы начинает выстраивать специфическую систему взаимодействия с отраслевыми органами государственного управления. Так, в принятом в 1920 г. III съездом РКСМ Уставе комсомола было сформулировано положение о том, что РКСМ посылает своих представителей для связи и установления контакта, а также для участия в работе отделов труда, народного образования и иные государственные органы, чья деятельность была связана с молодежью. В докладе ЦК (О. Л. Рывкин) отмечалось, что «комсомол установил повсеместное представительство в отделах охраны труда, в рабоче-крестьянской инспекции, Наркомземе и его местных органах» [2, с. 7–8]. Аналогичным образом выстраивал комсомол и систему взаимоотношений с партийными и советскими органами. Принятый на съезде Устав предусматривал норму, согласно которой «представители Союза в партии и советских учреждениях постоянно отчитываются перед пославшими их организациями» [2, с. 7].

Здесь вполне можно увидеть механизм, который формально будет использован в ст. 126 Конституции 5 декабря 1936 г., где определялась схема проведения правящей партией своего курса именно посредством того, что Коммунистическая партия провозглашалась «руководящим ядром» государственных и общественных организаций. Однако на практике, тем более в 1936 г., это была явно фиктивная норма. Что же касается начала 1920-х годов, то там это процесс только начинался, но его направленность была достаточно жестко детерминирована типом советской государственности, определявшимся ее создателями как государство диктатуры пролетариата.

Прочие решения съезда также показывают, что комсомол становится на курс использования иных организаций посредством состоящих в них своих членов в интересах молодежи. Однако данная практика, как и в случае с организациями учащихся-коммунистов, при поддержке правящей партии привела к фактическому подчинению образовательных, культурных учреждений, учреждений физкультуры и спорта своему влиянию, в том числе и в сфере идеологии.

Об этой тенденции говорит и повестка дня III съезда комсомола. Пятым вопросом повестки стоял вопрос «О социалистическом воспитании рабочей молодежи (школы рабочих подростков, профессионально-техническое образование и заводское ученичество)», шестым — «Вопрос о милиционной армии и физическом воспитании молодежи».

На следующем этапе, в период возникновения в рамках правящей партии ряда оппозиционных течений, комсомол, по сути, разделился на две части: на тех, кто безоговорочно поддержал сталинское большинство в партии, и тех, кто, ориентируясь на символы и знаковые фигуры времен Гражданской войны, не понял и/или не принял смены идеологических ориентиров. Однако говорить о серьезном оппозиционном движении в комсомоле первой половины 20-х годов XX в. не представляется возможным в силу явной единичности случаев выступления комсомольских организаций и/или их руководителей оппозиционного характера.

В период формирования государственной молодежной политики в 1920-х годах молодежь, находившаяся в центре внимания партии и государства, нередко выступала в качестве своеобразной «ударной силы» в проведении мероприятий в масштабе страны, кардинальным образом менявших социально-экономическую систему российского общества. К наиболее известным здесь относятся, конечно же, коллективизация и индустриализация, ставшие своего рода визитной карточкой этого периода в советской историографии. Однако, опираясь на опыт современных исследований, основанных на открытых архивных фондах, литературе, ранее скрытой от исследователей в спецхранах, можно говорить и о том, что молодежь была одним из наиболее активных субъектов борьбы с «оппозицией», многочисленных кампаний по «чистке рядов» и т. д. Конечно же, советскому комсомолу 1920–1930-х годов далеко до хунвейбинов «Великого кормчего» второй половины века XX, открывшего «огонь по штабам». «Легкая кавалерия» 1920–1930-х годов — это масштабно несравнимая, но типологически та же самая акция, когда мы имеем дело с использованием в механизме государственного управления (функция контроля управления) негосударственной структуры (ВЛКСМ), выполняющей государственные функции (контроль системы управления) по указанию формально негосударственной структуры (ВКП (б)). Такая формула, как нам представляется, позволяет снять противоречия, с которыми сталкивается исследователь системы государственного управления советского периода, оперирующий исключительно или по преимуществу категориями и понятиями формально-юридического характера. Корректность приведенного нами примера с «легкой кавалерией» подтверждается тем, что аналогичное привлечение комсомола к реализации контрольной функции государства может быть прослежена в рамках деятельности Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ).

Вместе с тем следует обратить внимание и на обратную сторону данного процесса. В рамках взаимодействия с коммунистической партией в области организационного строительства системы социализации молодежи комсомол, конечно же, не без «подсказки» старших товарищей, очень быстро, уже в начале 1920-х годов, стал ориентироваться на занятие монополистической позиции в этой сфере. При активной поддержке партийных и государственных (прежде всего силовых) органов комсомол последовательно провел кампании по ликвидации альтернативных молодежных движений.

Подобные отношения возмездно-обменного характера присущи обществам, находящимся в стадии становления первичной структуры управления, характерны тем, что произошло типичное для отношений подобного рода замещение степени свободы, которой изначально обладал комсомол, тем, что получило в отечественной историографии очень точное название «партийное руководство комсомолом». В Уставе КПСС был специальный раздел «Партия и комсомол», определявший роль КПСС в качестве руководителя ВЛКСМ, а также роль комсомола в качестве резерва и помощника партии. В ст. 63 Устава КПСС было прямо сказано: «ВЛКСМ работает под руководством Коммунистической партии Советского Союза. Работа местных организаций ВЛКСМ направляется и контролируется соответствующими республиканскими, краевыми, областными, окружными, городскими и районными партийными организациями»¹.

Данная практика закладывалась уже в первые годы становления системы управления советским государством. Уже хорошо известной ленинской речью III съезд РКСМ 1920 г. внес в свою Программу положение, касающееся общих принципов организации работы союза в сфере идеологии. Суть его заключалась в том, что

¹ См.: Устав КПСС [Электронный ресурс]. URL: http://lefti.nmsu.ru/polit_files/books/Ustav_KPSS.html 07 (дата обращения: 28.11.2012).

комсомол мог (а, по сути, принимал на себя обязательство) участвовать в обсуждении исключительно тех вопросов общеполитического характера, которые определила партия¹. Продолжением стала практика X съезда РКП(б) марта 1921 г., где указание о привлечении комсомольцев к общеполитической дискуссии, обсуждению вопросов советского и партийного строительства сопровождалось фактическим запретом на осуществление этого процесса собственно в комсомольских организациях. Реализация данного положения должна была проходить в рамках дискуссии в партийных организациях, собраниях делегатов различного уровня, конференциях и съездах. Суть этого решения, прошедшего в резолюции с характерным «говорящим» названием «По вопросам партийного строительства»,² — в организационном контроле партии за выполнением комсомолом идеологической функции.

В дальнейшем этот процесс шел по нарастающей. VII съезд ВЛКСМ в марте 1926 г. сделал уставным положение о том, что партия определяет комсомолу задачи по участию комсомольцев и молодежи в поддержке политических и хозяйственных мероприятий партии и государства³. Эта норма наглядно показывает степень даже формального подчинения комсомола правящей партии.

Начиная с VII съезда ВЛКСМ 1926 г. происходит трансформация места и роли ВЛКСМ, связанная с тем, что начинается «заметная подвижка в сторону созидательной функции с последующим превращением комсомола в ударную бригаду социализма» [1, с. 200].

ЦК ВКП(б) своим Постановлением в феврале 1929 г. обязал райкомы ВКП(б) включить комсомольские ячейки, действовавшие в населенных пунктах, где отсутствовали первичные партийные организации, в «план своего обслуживания (выезды, инструктирование, вызовы на партийные совещания, снабжение материалами и т. д.)»⁴. Это постановление является классическим подтверждением того объективного факта, что в условиях партийной диктатуры в период кризисных ситуаций правящая партия во многом замыкает на себя отдельные функции государственного управления (пример: партторги ЦК на важнейших заводах времен Великой Отечественной войны, участие партийного руководства в работе пресловутых «троек» середины тридцатых годов и т. п.).

Соответственно во время коллективизации, особенно в ее переломный момент, партийные организации наряду с политотделами МТС выполняли непосредственную функцию создания нового уровня государственного управления, в данном случае в сфере сельского хозяйства, к которой указанным выше постановлением был подключен и комсомол. Эта процедура как по форме, так и по содержанию, вполне подтверждает тезис о том, что ВЛКСМ выступал в качестве как объекта, так и субъекта государственного управления. Однако на разных этапах становления и развития советской государственности данная тенденция обнаруживает себя с разной степенью интенсивности, и по мере укрепления собственно государственных структур как исполнительной, так и представительной ветвей власти постепенно минимизируется. В соответствии с этим комсомол приобретает все больше и больше формально-юридических черт, свойственных общественной организации, связанной с правящей партией общностью идеологии, партийной принадлежности кадрового состава руководящих органов, но все дальше и дальше отходящей от прямого формально нелегитимного участия в осуществлении функций управления различными отраслями народного хозяйства.

¹ См.: Комсомольская летопись. 1926. № 2. С. 35, 87.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 2. С. 334.

³ ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. М.-Л., 1929. С. 271.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 412.

В декабре того же года в своем Постановлении «Об участии ВЛКСМ в колхозном строительстве» ЦК ВКП(б) обратился уже к комсомолу с требованием активизации участия комсомольцев в колхозном движении, создании коллективных хозяйств, борьбе с кулачеством и т. д.¹ В данном Постановлении речь шла о реализации в деятельности ВЛКСМ целого ряда функций управления. Прежде всего, это была агитационно-пропагандистская функция по разъяснению бедняцко-батрацкой и середняцкой молодежи роли колхозов и совхозов в социалистическом переустройстве страны, повышению роли молодежи в развитии сельского хозяйства.

Для решения экономических задач использовались мобилизационные возможности молодежной организации. В 1931–1932 гг. в Воронеже строился завод «Синтетический каучук — 2» (СК-2), который имел чрезвычайно большое значение как для развития экономики Советского Союза, так и для повышения обороноспособности страны. Для снабжения стройки рабочей силой по решению обкома ВКП(б) ЦЧО в Курске был создан комсомольский ударный отряд из 500 человек, который и перебросили в Воронеж [6, с. 167].

В этот же период параллельно с активным использованием комсомола как средства реализации главных мероприятий в области государственной молодежной политики идет процесс усиления контроля за комсомолом как одним из проводников государственной молодежной политики. Партия внимательно отслеживала всякий намек на оппозиционность его печатных органов. В собрании сочинений И. В. Сталина немало работ, посвященных, как он любил писать, «ошибкам» печатных органов и/или их редакторов. Применительно к комсомолу он также неоднократно выступал с подобными заявлениями. Так, в ноябре 1928 г. он выступал на заседании Политбюро «О т. Кострове», тогдашнем редакторе «Комсомольской правды». В вину ему вменялись ошибки в борьбе как с правым уклоном (неверная характеристика), а также с левым уклоном (примиренческие тенденции). Решением Политбюро Костров был освобожден от должности ответственного редактора, одновременно были санкционированы репрессивные меры по отношению к коллективу журналистов [5, с. 137]. Этот эпизод во взаимоотношениях партии и комсомола интересен не столько тем, что руководящий орган партии освобождает от должности редактора газеты формально самостоятельного молодежного союза, сколько тем, что в этом случае Секретариат ЦК ВЛКСМ обратился в Политбюро с просьбой пересмотреть данное решение. Впрочем, ответа, судя по сохранившимся документам, не последовало [3, с. 40].

В целом в период борьбы с реальной и/или придуманной оппозицией в партии комсомол вполне консолидировано выступал на стороне действующего руководства партии. Что же касается репрессий в отношении руководства ВЛКСМ, то они были отнюдь не следствием их некоей оппозиционности руководству партии, а втягиванием его верхушки в общий маховик репрессий, не требовавшим наличия реальной оппозиционности от жертв, затягиваемых в воронку репрессий.

ЦК ВЛКСМ по месту и роли в иерархии власти являлся проводником руководящих указаний центральных органов партии и правительства. Уже начиная с 1930-х годов его постановления по сути, да и по форме во многом копировали решения государственных органов и партийных организаций. Как мы отмечали выше, инициативы ЦК ВЛКСМ касались ряда сфер, не имевших принципиального значения для правящей партии. В целом комсомол последовательно трансформировался в организацию, копирующую КПСС в идеологической, политической и организационной работе и беспрекословно выполняющую партийные директивы.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1984. С. 70.

Литература

1. Галаган А., Ильинский И. На круги своя? // Куда идет комсомол? М., 1990.
2. Задумаемся, сопоставим, сверим. М., 1988.
3. Криворученко В. К., Цветлюк Л. С. Молодежь. Комсомол. Общество: от Октябрьской революции до Отечественной войны. М., 2012.
4. Меркулов П. А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX — начало XXI вв.). Орел : Издательство ОФ РАНХиГС, 2014.
5. Очерки истории молодежного движения. М., 1993.
6. Саран А. Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг. М., Орел : Издательство ОГАУ, 2003.

References

1. Galagan A., Ilyinsky I. *Into place?* [Na krugi svoya?] // Where Komsomol is going? [Kuda idet komsomol?] M., 1990. (rus)
2. *Let's think, compare, verify* [Zadumaemysya, sopostavim, sverim]. M., 1988. (rus)
3. Krivoruchenko V. K., Tsvetlyuk L. S. *Youth. Komsomol. Society: from the October revolution before Patriotic war* [Molodezh'. Komsomol. Obshchestvo: ot Oktyabr'skoi revolyutsii do Otechestvennoi voiny]. M., 2012. 438 p. (rus)
4. Merkulov P. A. *Historical experience of development and realization of the state youth policy in Russia. (the second half of the 19th century — the beginning of the 21st century)* [Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XXI vv.)]. Orel : Publishing house of the Orel branch of the RANEPa [Izdatel'stvo OF RANKhiGS], 2014. 488 p. (rus)
5. *Sketches of history of youth movement* [Ocherki istorii molodezhnogo dvizheniya]. M., 1993. (rus)
6. Saran A. Yu. *The power and public organizations in the Central Russia. 1928–1934* [Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Tsentral'noi Rossii. 1928–1934 gg.]. Moscow-Orel : Publishing house of the OSAU [Izdatel'stvo OGAU], 2003. 434 p. (rus)